

Уильям Сароян Мама, я люблю тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6716821

Уильям Сароян. Мама, я люблю тебя: Эксмо, Домино; Москва, Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-699-54167-6

Оригинал: William Saroyan, "Mama I Love You"

Перевод:

Ростислав Герман

Аннотация

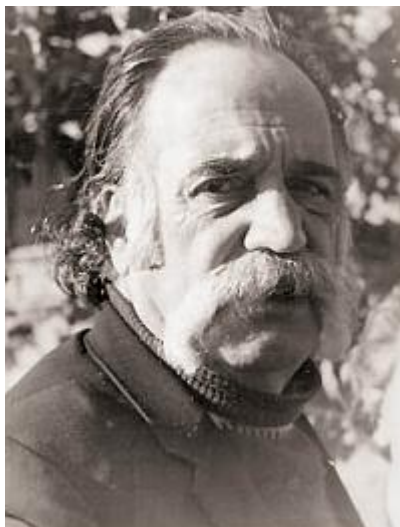
Роман «Мама, я люблю тебя» занимает особое место в творчестве Уильяма Сарояна, писателя, чье имя стоит в одном ряду с такими титанами мировой литературы, как Фолкнер, Стейнбек, Хемингуэй.

Мудрость детства – основа сюжета этой замечательной книги. Мир, увиденный глазами девятилетней девочки, преображается на глазах, ибо главный принцип этого чудесного превращения прост, как само детство: «Ищи всюду добро, а отыскав, выводи его в свет, и пусть оно будет свободным и гордым».

Содержание

Прощай, Макарони-лейн!	5
«Звезда Ирландии»	8
Хэлло, «Пьер»!	11
Однажды рано утром	15
Вдвоем	18
Розыски	21
Нью-Йорк, Нью-Йорк	24
Сумасшедший колибри	28
О голуби, о люди, о маленький мальчик	30
Ресторан-автомат	33
Викторина	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Уильям Сароян Мама, я люблю тебя

Вы оглянуться не успеваете, как моментально погружаетесь в рассказ. Он не тратит слов на то, чтобы представлять вам героев; они представляют себя сами...

Грэм Грин

Любопытно, что Сароян, Хемингуэй и Стейнбек, когда им было по двадцать – тридцать лет, писали лучше, чем имели на то право.

Курт Воннегут

Прощай, Макарони-лейн!

Мама Девочка вышла из ванной, одетая совсем чуть-чуть, и спросила меня:

– Сколько сейчас времени?

– Восемь.

– Без десяти?

– Нет, ровно.

– На каких?

– На всех. Восемь, и ты опоздала, но ведь ты всегда опаздываешь.

– Родить тебя я не опоздала.

– Это я не опоздала. А ты просто ждала меня.

– Я в этих вещах разбираюсь лучше, – сказала Мама Девочка, – и можешь мне поверить, из нас двоих не опоздала я.

– Ну и не я.

При моем рождении, вот когда мы с Мамой Девочкой впервые познакомились и подружились. С тех пор мы не переставали дружить, но не проходит дня, чтобы мы с ней хоть раз серьезно не поссорились. Правда, потом мы всегда миримся. Живем мы с ней вдвоем и ходим везде вдвоем, если не считать, когда что-нибудь только для больших; тогда Мама Девочка идет, а я остаюсь, иногда с разовой няней, а иногда с Матушкой Виолой – матушкой одиннадцати больших мальчиков и девочек, которая приходит к нам по субботам и воскресеньям убираться, готовить и смотреть телевизор.

Я ждала Маму Девочку у нее в спальне, чтобы посмотреть, как она будет одеваться – потому что это она умеет. Лучших одеващиц я не видела. Мама Девочка вся розовая, волосы у нее рыжие, и о том, как одеваться, она знает все. Сперва надо принять ванну, потом всю себя посыпать пудрой, потом покраситься, а уж потом приниматься за одевание. Когда все это сделаешь, становишься похожей на взрослую. Все это я могла бы сделать и сама, но пока я как палка и наощупь очень жесткая, а не мягкая. Маме Девочке тридцать три года, но она сердится, когда я об этом говорю.

– Мне двадцать два, и ты это знаешь, – говорит она.

– Если тебе двадцать два, – возражаю ей я, – то, значит, я еще не родилась, потому что, когда я родилась, тебе было двадцать четыре. Ты сама это говорила.

– А я тебя обманула, – отвечает на это Мама Девочка. – Просто мне не хотелось говорить тебе, что ты у меня появилась в тринадцать лет – вот и все.

– Ну и выдумщица ты! – говорю тогда я, а Мама Девочка спрашивает:

– А похожа я на женщину, которой тридцать три года? Ты ведь их много видела.

Конечно не похожа. Она вообще не похожа ни на кого, и каждую неделю она приходит из косметического салона совсем другая. Волосы у нее каждый раз другого цвета, и другого цвета лак на ногтях. А столько сортов губной помады, пудры и всякого такого, сколько есть у Мамы Девочки, нет ни у одной женщины на свете.

Мама Девочка задыхалась сигаретой «Парламент» и села на свою кровать, на красное вельветовое покрывало. Она посмотрела на меня, улыбнулась, сделала затяжку, потом выпустила дым и не похоже было, чтобы она спешила.

– Ты бы поторопилась, – сказала я.

– Зачем, я и так уже на час опоздала. Доберусь не раньше чем через полчаса, так что торопиться все равно бесполезно, а уж если опаздывать, то по-настоящему.

– Понятно.

– Что Матушка Виола приготовила тебе на ужин?

– Ее нет.

– А где же она?

– Не знаю. Она еще не приходила.

– Не может быть! – воскликнула Мама Девочка. – Неужели подведет? Она ведь прекрасно знает, что я на нее рассчитываю. Сказала ведь ей, чтобы к семи была у нас обязательно. Я думала, что, пока я сидела в ванне, она пришла.

– Нет, не пришла.

– Так с кем же тогда ты разговаривала?

– С Деб.

– С девочкой миссис Шломб?

– С Деборой Шломб.

– С каких пор вы с ней разговариваете как взрослые?

– А разве мы разговариваем как взрослые?

– Да. Я думала, ты разговариваешь с Матушкой Виолой. Я должна выяснить, в чем дело, почему ее до сих пор нет.

Мама Девочка взяла трубку телефона с тридцатифутовым шнуром, набрала номер, подождала, но никто не ответил.

Она погасила окуроч в розовой пепельнице, на дне которой было написано что-то по-французски, и задумалась. Я всегда знаю, когда Мама Девочка задумывается, потому что все в ней тогда утихает и становится совсем-совсем другим.

– Что случилось, Мама Девочка?

Мама Девочка улыбнулась немножко, а потом развела руки в стороны, и я прыгнула туда, и мы обнялись, и Мама Девочка сказала:

– Мой Лягушонок, мой Одуванчик, мой Кузнечик.

И я поняла, что Маме Девочке грустно. Когда ей грустно, она всегда называет меня чем-нибудь маленьким.

Она опять подняла трубку и быстро набрала номер, а потом начала разговаривать голосом, совсем не похожим на обычный. Она спрашивала о самолетах и расписаниях на сегодня, на любое время, только обязательно на сегодня. Я поняла, что тот, с кем она говорит, сначала не знал насчет сегодня, но в конце концов все узнал. Мама Девочка на секунду положила трубку, а потом быстро набрала другой номер.

– Клара, – сказала она, – мне очень жаль, но у нас ничего не выйдет. У меня все меняется, сегодня вечером я вылетаю в Нью-Йорк. Да, сегодня вечером... Это необходимо... О, я не знаю на сколько. Может быть, на месяц, может – больше, может – меньше... Ну конечно, миссис Нижинская едет со мной...

Она послушала немного, а потом сказала:

– Не отходи, я ее спрошу.

И повернулась ко мне:

– Кларе хотелось бы, чтобы две-три недели или месяц, пока я буду в Нью-Йорке, ты жила у нее. Хочешь?

– Нет уж, спасибо, не хочу, – ответила я, – и ты это прекрасно знаешь. Зачем ты меня спрашиваешь, хочу ли я жить у Клары? Она называет меня миссис Нижинской и плутует в карты, а сама говорит, что я плутую.

– Она моя лучшая подруга.

– Не моя же, – сказала я. – Нет, поеду с тобой.

Мама Девочка сказала Кларе:

– Бесплезно, ее не уговоришь. Но все равно, с твоей стороны очень мило было пригласить ее. Когда вернусь, позвоню. До свидания.

Она положила трубку и ну носиться по комнате, вытаскивать чемоданы, кричать: сделай то, сделай это, проверь плиту, холодильник, заднюю дверь, другие двери, достань платья и зубную щетку.

Вот как случилось, что Мама Девочка и я полетели в Нью-Йорк – вместо того, чтобы Мама Девочка пошла на вечеринку, а я осталась с Матушкой Виолой.

«Звезда Ирландии»

Мама Девочка – актриса, вот почему мы полетели в Нью-Йорк. Потому что настоящий театр – только в Нью-Йорке. В самолете (это был лайнер компании «ТВА», и он назывался «Звезда Ирландии» – я сама прочла название, когда поднималась по ступенькам к дыре в бабочкином туловище, через которую люди попадают к своим местам) Мама Девочка сказала мне:

– Мне обязательно нужно получить хорошую роль в хорошей пьесе, потому что время идет и я не молодею. Сезон только начинается, и мне, чтобы получить хорошую роль, надо быть в Нью-Йорке. Последнее время я очень много занималась и теперь знаю, что я подготовлена – не как в прошлом году, когда я поехала в Нью-Йорк одна, а ты осталась дома с тетушкой Бесс на целых два месяца. Я читала и читала, но не могла получить роль, потому что не была подготовлена. Теперь – другое дело, и вот почему я беру тебя с собой, вместо того чтобы снова просить тетушку Бесс прийти пожить с тобой, потому что на этот раз у меня должно получиться и ко мне придет большой успех, а когда он придет, я накуплю тебе новых платьев и всего, чего ты только захочешь, а сейчас спи.

Но я была так от всего взбудоражена, что не могла спать. Самолет все время дрожал, и слышался шум, который всегда бывает на самолетах, а по проходу между сиденьями сновали люди.

– Мои золотые рыбки! – воскликнула я. – Что теперь будет с моими золотыми рыбками?

Мама Девочка купила мне однажды у Вулворта двух маленьких золотых рыбок по тридцать пять центов каждая в двух маленьких баночках шариком, и теперь они остались одни на туалетном столике в моей спальне, с десятицентовым пакетиком корма, которым некому их кормить.

– Черт с ними, с золотыми рыбками, – сказала Мама Девочка.

– Сейчас же возьми свои слова обратно. И как только у тебя повернулся язык сказать так о Мальчике и Девочке! Ведь они почти что лучшие мои друзья, и я целый год заботилась о них!

– Какой год?! Они всего-то у тебя около месяца. Я и не думала, что они проживут так долго. Я купила их только потому, что баночки одни стоят больше, чем я заплатила за них вместе с рыбками.

– А мне все равно, почему ты их купила. Я люблю моих золотых рыбок, и ты должна взять свои слова обратно.

– Беру, – сказала Мама Девочка. – И даже дам Кларе телеграмму: попрошу ее заглядывать к нам раз в неделю и их кормить.

– Два раза в неделю.

– Хорошо, два.

– Не забудь.

– Не забуду.

– Запиши.

Если Мама Девочка не запишет чего-нибудь, она обязательно забудет это сделать, но иногда она забывает даже то, что записала. Она записывает и записывает без конца, целыми днями. И вот сейчас Мама Девочка достала из сумки блокнотик и серебряный карандаш и записала: «Телеграмма Кларе кормить рыбок».

– Что-нибудь еще? – спросила она.

– Да. Что, если у тебя не получится?

– Лучше бы ты не задавала мне таких вопросов. Надо, чтобы в этот раз обязательно получилось, а то будет поздно.

– Что будет поздно?
– Стать большой актрисой.
– А ты разве не большая?
– Большая, но у меня не было пьесы. Кое-что я делала на телевидении, но это не в счет. Глупые роли в глупых пьесах, поставленных глупыми режиссерами. Мне тошно от телевидения, и мне необходимо попасть в настоящий театр.

– Зачем?
– Чтобы стать известной.
– А разве ты не известная?
– Еще не совсем. Я красивее всех на любой вечеринке, я знакома со всеми продюсерами, режиссерами, драматургами и актерами, но никто не вскакивает при моем появлении и не заявляет, что для его пьесы необходима именно я. Никто! Я этим сыта по горло. На этот раз у меня должно получиться! Надо, чтобы ты тоже в это верила, и тогда мне повезет.

– Хорошо.
– Вот умница!
– Верю, что ты получишь самую лучшую роль на свете и будешь в десять раз знаменитее Мэрилин Монро. Тебе ведь нравится Мэрилин?

– Ну конечно. Она ужасно милая, но ты подумай только, как ей везет!
– Тебе повезет больше, чем Мэрилин Монро.
– А теперь помолись и спи. Уже за полночь.

Я крепко-крепко зажмурилась и увидела оранжевый свет, но мне не нравился шум, который самолету нужно было все время делать, чтобы лететь.

– Вот и умница. Ты уже помолилась?
– Да, – ответила я, но не открыла глаз, потому что мне нравилось смотреть на оранжевое и на черное – оно только что появилось.

– Что ты просила?
– «Боже, сделай так, чтобы у Мама Девочки все получилось и она стала знаменитой, а я буду очень доброй к червякам».

– Но ведь ты, по-моему, и так к ним добра.
– Ну конечно. Я всегда была добра к ним.
– Но тогда почему ты говоришь, что ты будешь добра к ним?
– Ой, Мама Девочка, неужели ты не знаешь, как молятся? Я всегда прошу чего-нибудь, а потом что-нибудь обещаю.

– Да, но о каких червяках ты говоришь?
– Которые в саду. Я никогда их не давлю, а просто смотрю, как они ползают и извиваются.

– Ты спишь?
– Как бы я разговаривала с тобой, если бы я спала?
– Я хочу сказать: ты почти спишь?
– Думаю, что да.
– Тогда спокойной ночи.
– Спокойной ночи.

Но я страшно не люблю шум, который слышишь внутри самолета, и как все дрожит, и мне было совсем не так, как в своей постели, где я могу вытянуться и лежать, и мне прохладно и хорошо, и я вспоминаю разные истории. Большинство девочек не любят ведьм. Я ведьм люблю. Мне не нравятся истории, в которых нет ведьм. От них все в историях становится ужасно интересным. Деб говорит, что ведьм на свете не бывает. А я считаю, что бывают. Мы ссоримся и не разговариваем иногда по полдня, а потом Деб говорит: «Ладно,

есть ведьмы». Или я говорю: «Хорошо, их нет, но какая разница? Раньше они все равно были, потому что во всех лучших историях ведьмы есть».

И тогда мы миримся.

Взаправдашняя ведьма с длинным тонким носом в бородавках и волосках посмотрела на меня и захихикала. Я испугалась, и теперь я точно знала, что ведьмы есть, и заснула.

Хэлло, «Пьер»!

Из аэропорта Ла Гуардиа мы поехали на такси к «Пьеру» на Пятой авеню. В Нью-Йорке это один из самых лучших и дорогих отелей, только Мама Девочка снимает не огромный-преогромный номер за двадцать долларов в день, а малюсенький-премалюсенький за три, который богатые люди снимают для своих слуг или секретарей. Сами они спят в больших.

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что я бедная, – объяснила Мама Девочка. – Никого, кроме меня, не касается, сколько я плачу за жилье.

– А я где буду спать?

– Тут, глупышка.

– А ты?

– Тоже тут.

– Ой, Мама Девочка, как я рада, что мы приехали в Нью-Йорк!

Вся комната – не больше передней нашего дома в Пасифик Пэлисейдз, но только здесь она была на двадцать первом этаже и у нее был номер 2109. При ней была миленькая ванная, а в самой комнате стояла миленькая кровать, ну и, конечно, телефон, но не розовый, а простой, черный, и с тихим звонком, а не оглушительным, как у нашего розового телефона дома.

Мама Девочка села на кровать и позвонила, чтобы ей принесли кофе, а мне – тосты и яйца всмятку. Брр! Терпеть не могу яйца всмятку и ужасно люблю кофе, но мне его пить не разрешают.

Мама Девочка напустила в ванну воды и позвала меня:

– Миссис Нижинская, идите отмокать!

– Не называй меня, пожалуйста, миссис Нижинской.

– Но ведь ты танцуешь?

– Ну и что? Так меня зовет Клара Кулбо, а она меня не переваривает, поэтому я ее не перевариваю, и я не хочу, чтобы ты звала меня так же, как она. Зови меня Маргарет Роза.

– Пусть будет Маргарет Роза, только раздевайся скорей. Я хочу, чтобы ты отмокла, позавтракала, растянулась на постели и отдохнула – ведь ты совсем не спала.

– Нет, спала!

– Ну если и спала, то плохо – так же, как и я. Почему ты хочешь, чтобы я звала тебя Маргарет Розой?

– Розой? Это значит – Розой Англии, маленькой сестренкой королевы.

– О!

– Ты королева Англии, а я твоя маленькая сестренка.

– Ох, если бы так было на самом деле!

– Но ведь так оно и есть! Мы просто притворяемся, будто мы бедные.

– В чем в чем, а уж в этом мы никак не притворяемся!

– Как стать королевой или ее сестрой?

– Становись в ванну и мойся, и – слушай, Кузнечик, тебе просто необходимо есть больше: ты вся из чурочек. С этого завтрака ты начинаешь есть – хорошо?

– Буду стараться изо всех сил.

Я залезла в ванну и стала петь и отмокать, а Мама Девочка тем временем обзванивала знакомых. С некоторыми она смеялась, вскрикивала, звала по имени, но с другими говорила так, будто это не она, а кто-то другой. Я услышала, как официант вкатил в комнату столик и ушел, а потом Мама Девочка вошла ко мне в ванную, я вылезла, она меня вытерла, и я надела халатик и села за стол. Оба яйца (одно коричневатое, а другое белое) Мама Девочка очистила от скорлупы, положила на них по кусочку масла, масло начало таять, и она мне сказала:

– Хочу, чтобы с сегодняшнего дня ты стала обжорой – съешь, пожалуйста, все, что только есть на столе, и побыстрее.

– Скорлупу, тарелки, ножи, ложки и вилки – тоже?

– Тоже.

– А салфетки?

– Тоже.

– А стаканы?

– Все значит все, и мне совсем не до шуток. На молодую мать очень косятся, если ее дочь не похожа на пряничную куклу.

– Не хочу быть похожей на пряничную куклу!

– На молодую мать, у которой нет на свете никого, кроме маленькой дочери, смотрят очень косо.

– У тебя есть Папа Мальчик.

– Нет, Лягушонок, это у тебя есть Папа Мальчик. У меня – нет. Мы с ним развелись.

– Но ведь Папа Мальчик не умер, и пока он не умер, он есть у меня и есть у тебя.

– Боюсь, что нет. А потом, он ведь в Париже и думает пожить там некоторое время.

– Он присылает деньги.

– Да, когда ему удастся их заработать.

– И у тебя есть мой брат Пит.

– Нет, твой брат у твоего отца.

– Почему мой отец увез моего брата в Париж?

– Ты ведь прекрасно знаешь, что год тому назад мы все сошлись на том, что твой отец возьмет к себе Пита, если Пит захочет (и он захотел), а ты останешься со мной, если ты захочешь, – и ты захотела.

– Но я хочу быть и с моим отцом.

– Ешь яйца.

– Нет, правда, Мама Девочка, я хочу быть с ним и с моим братом Питером Боливия Сельское Хозяйство и хочу, чтобы и ты была с нами.

– Я здесь, ты здесь, а твой отец и Пит – в Париже, и на этом конец.

– Почему?

– Знаешь, у меня и так голова трещит от забот, и я не намерена объяснять тебе в сто первый раз, что твой отец и твоя мать разведены. Когда мужчина и женщина разведены... в общем, это значит, что вместе они больше не живут.

– Я знаю, что ты больше всех на свете любишь папу, и ты это тоже знаешь.

– Может быть – но и нет никого на свете, кого бы я так ненавидела.

– Неправда, ты его любишь!

– Ненавижу.

– И он тебя любит.

– И он меня ненавидит.

– Как можете вы сразу любить и ненавидеть друг друга?

– Для нас это просто.

– Я люблю моего отца и люблю тебя.

– А кого ты ненавидишь?

– Пита.

– Питера Боливия Сельское Хозяйство?

– Да, Питера Боливия Сельское Хозяйство.

– Сама ведь знаешь, что любишь его.

– Ненавижу.

– Тогда ты должна понимать меня и своего отца. Теперь так: этот тост – до последней крошки, а какао – до последней капли!

– Позвони моему отцу и скажи, чтобы они оба сюда приехали.

– Сюда?

– Да, прямо сюда. В эту комнату. В номер две тысячи сто девятый отеля «Пьер». Мы будем жить здесь все до самой смерти.

– Вчетвером в этой комнате? Нас уже через час в живых не будет. Когда ты была маленькой, мы вчетвером прожили шесть месяцев в доме из двадцати комнат в Ойстер-Бей, и это нас чуть не убило.

– Что нас чуть не убило?

– Жизнь в одном доме, одной семьей.

– Почему? Разве трудно жить одной семьей?

– Для меня и твоего отца – трудно. Думаю, что и для всех трудно – но, может, я ошибаюсь. Я сужу по тому, что вижу вокруг. Возьми, к примеру, мою лучшую подругу Клару Кулбо. Она прожила двадцать лет в одном доме с мужем и тремя детьми, и ты посмотри только, что с ними стало.

– А что?

– Неживые они, вот что. Встают по утрам, едят и двигаются, но они как мертвые. Вот тебе семья.

Вдруг зазвонил телефон, и из-за этого я не смогла попросить Маму Девочку, чтобы она толком объяснила мне про семью. Нужно было ждать.

– Глэдис! – завизжала в трубку Мама Девочка. – Слушай: теперь или никогда. Должна же я наконец когда-нибудь начать в театре! Вчера я чуть было не отправилась на очередное собрание, как вдруг решила: пропади они пропадом, эти собрания, раз и навсегда. Не хочу я всю жизнь быть хорошенькой девушкой на вечеринках. Это меня не греет – вот и все. Поэтому я прилетела сюда и через час встречаюсь с Майком Макклэтчи.

Мама Девочка говорила и говорила, и пила кофе, и курила сигарету за сигаретой, потому что Глэдис – это Глэдис Дюбарри, а вы ведь знаете, кто это: одна из самых богатых девушек в мире, вот кто, и лучший друг Мамы Девочки, лучший даже, чем Клара, потому что Глэдис и Мама Девочка дружили еще тогда, когда были маленькими девочками и обе были несчастные.

Они проговорили долго, а потом Мама Девочка быстро разделась и вошла в ванну, а потом вышла и оделась. Она выкатила столик в коридор и уложила меня в постель, и дала мне книгу «Однажды рано утром», почти без картинок, про великих людей, когда они были маленькие, и сказала:

– Я иду на ланч с мистером Макклэтчи, а ты читай, отдыхай и спи. Я опаздываю, но к половине третьего, вероятно, буду там, а к половине пятого вернусь, и тогда мы решим, что делать вечером. Договорились?

– Договорились. Кто такой мистер Макклэтчи?

– Он ставит пьесы. Года два назад мы познакомились с ним на вечеринке, и подумай только, он меня не забыл!

– Разве можно тебя забыть, Мама Девочка?

– Я рассказала ему, что приехала в Нью-Йорк устроиться в театр, и он сказал: «Правильно сделали. Приходите на ланч, и мы потолкуем о ваших делах». Держи пальцы накрест, Лягушонок.

– Обязательно. Желаю удачи, Мама Девочка.

Мама Девочка облизала мне все лицо, а потом ушла, и я раскрыла книгу. Там была картинка: мальчик держит раковину около уха, и мне захотелось тоже достать такую раковину и послушать ее – прямо сейчас. Но взять ее было негде, а потом раздался телефонный

звонок. Это был мистер Макклэтчи. Он сказал, что, к большому своему сожалению, не мог еще выехать с работы и поэтому запоздает на ланч. Я объяснила ему, что все в порядке, моя мама тоже опаздывает. Он спросил, сколько мне лет, а потом сказал:

– Знаете, молодая леди, мне нравится ваш голосок. Хотите быть актрисой?

– Нет, благодарю вас, – ответила я. – Но моя мама – хочет.

– Знаю, но мне нужна маленькая девочка с приятным голосом.

– У моей мамы очень приятный голос.

– Конечно, конечно, но твоей маме не девять лет, как тебе и девочке в пьесе. Подумай об этом, хорошо?

– Подумаю.

Ну уж нет! Разве мне с этим справиться?

Однажды рано утром

Я стала читать в книге стихи, но не могла понять ни слова и принялась просто рассматривать раскрытые страницы как картинку, а потом закрыла книгу, положила ее на пол, залезла под одеяло и уснула.

Мне приснилось, что мама собирается на вечеринку и вдруг передумывает и решает вместо этого ехать в Нью-Йорк, и берет меня с собой. Мне приснилось, что мы сели на «Звезду Ирландии» и полетели в Нью-Йорк, там взяли такси до «Пьера» и поселились в номере 2109, и начали мыться, есть и обзванивать знакомых – все точно так, как было на самом деле, только теперь мне все это снилось.

Скоро сон кончился, а самолет все шумел и трясся, и мне хотелось, чтоб он скорее сел – но он не садился. Так без конца я и летала на самолете, брала такси и попадала в 2109-й номер, пока не услышала, как повернулся ключ в замке, и не проснулась совсем. Пришла Мама Девочка.

– В чем дело, Лягушонок? Ты вся красная, и от тебя пышет жаром!

Она кинулась ко мне и приложила руку к моему лбу, метнулась в ванную и вернулась оттуда с градусником, сунула его мне в рот, бросилась к телефону и спросила кого-то о враче, а потом стала говорить с самим врачом, а потом вынула градусник у меня изо рта, посмотрела и сказала врачу:

– Сто три.

Потом поговорила еще немножко, положила трубку, подошла, села и взяла мои руки в свои, и я сказала:

– Ой, Мама Девочка, я совсем не больная.

– Нет, ты больная, – сказала Мама Девочка. – Но врач скоро придет и вылечит тебя.

– Я не больная, просто я никак не могу остановить самолет: он все шумит и шумит.

– Где?

– У меня в ушах. Я знаю, что я здесь, а не на самолете, но он все равно не перестает.

– Врач даст тебе лекарство. Я откажусь от всех своих планов на сегодняшний вечер и буду сидеть около тебя.

– Нет, мама, я не хочу, чтобы ты отказывалась от своих планов!

– Ну, знаешь ли, меня не интересует, что ты там хочешь. Я так решила, и так будет. А теперь ложись, отдыхай и ни о чем не думай.

Телефон зазвонил, и это опять была Глэдис Дюбарри. Мама Девочка стала рассказывать ей про обед с мистером Макклэтчи:

– Роли для меня у него нет, но он хочет познакомиться с Кузнечиком. Ему понравился ее голос, и он хочет посмотреть, не подойдет ли она на роль маленькой девочки из этой пьесы, но... не знаю. Я прилетела сюда, чтобы самой пробиться на сцену, а не устраивать туда свою дочь. Я ужасно не люблю детей на сцене. А кроме того, у нее температура, сто три, но она считает себя здоровой. Знаешь, какие они – все умеют лучше, чем взрослые, даже болеть... Что ты, тебе совсем не нужно присылать своего врача, я уже вызвала... Ну конечно, лучше твоего нет, но нет необходимости присылать его...

– Пусть пришлет, – сказала я. – Хочу увидеть врача Глэдис Дюбарри.

– Говорит, что хочет видеть твоего врача, – сказала в трубку Мама Девочка, – но послушай меня, Глэдис: это всего-навсего небольшая температура, а так у нее все в порядке, поверь мне, и я не хочу беспокоить людей по пустякам... Разумеется, рисковать я не собираюсь, но я твердо уверена, что ничего серьезного нет... Но почему обязательно полиомиелит?.. Знаешь что, сейчас я хочу, чтобы она отдохнула. После врача я тебе позвоню.

– Полиомиелит? – спросила я. – Ой, Мама Девочка, так я, наверное, умру?

– Должна сказать тебе, что Глэдис Дюбарри очень любит придумывать всякие страхи. Придумывает их всю жизнь, делала это, когда была еще совсем маленькая. Никакого полиомиелита у тебя нет, и ты не умрешь. Это у Глэдис полиоболтунит. Всегда строит из себя богатую девушку с широкой натурой, и это ужасно скучно. Ее врач! Как будто он лучший в мире только оттого, что дает ей успокаивающее, когда она в истерике – а она в ней всегда. А сейчас отдыхай и совершенно позабудь о том, что ты больная.

– Я не больная. Это ты говоришь, что я больная.

– Самолет шумит все так же?

– Чуть меньше.

– Когда перестанет, буду знать, что ты выздоровела.

– Как нам остановить его?

– Доктор даст лекарство, чтобы ты заснула, и во сне он приземлится.

Доктор оказался маленьким старичком с маленькой улыбочкой и маленькими руками. Он взглянул на меня – и улыбнулся, и стал со мной разговаривать, а потом поговорил с Мамою Девочкой и сказал:

– Она переутомлена и взвинчена.

– Но разве вы не проверите ее температуру?

– В этом нет необходимости, – ответил доктор, – но давайте смерим. Думаю, что она у нее немного упала.

Температура оказалась сто один, так что какие они ни есть, а два из них я потеряла.

– Все время слышит самолет, – пожаловалась Мама Девочка.

– Понятно, – сказал доктор. – Что ж, дайте ей полтаблетки аспирина сейчас и другую половину немного позже.

– Полтаблетки аспирина – и все?

– Она ведь только устала и перевозбудилась.

– Но я думала, вы дадите ей успокаивающее.

– Полтаблетки аспирина – это уже успокаивающее. Она очень крепкая девочка – сплошь кости, мышцы и энергия.

– Она не ест.

– Что ж, это и вправду скучное занятие.

– О, пожалуйста, не говорите так при ней! – воскликнула Мама Девочка. – Теперь мне будет ужасно трудно заставить ее есть.

– Забудьте об этом, дорогая моя, – сказал доктор. Серьезно. – Она очень крепкая девочка. Ей уже много лучше, хотя бы оттого, что сейчас она слушает нас, а не самолет. Почему бы вам не попросить у администрации приемник, чтобы она послушала какую-нибудь тихую музыку, или, еще лучше, почему бы вам самой не спеть ей?

– Мне самой?

– Ну конечно. Негромко. Тогда она перестанет слышать самолет.

– Больше ничего не нужно?

– Хорошо бы ей заснуть. Попросите телефонистку никого не соединять с вами. Тихонько пойте, пока она будет спать, а когда проснется, снова смерьте температуру. Если нормальная, оденьте ее и сходите с ней прогуляться в парк. Ваша комната слишком тесная и узкая и напоминает ей салон самолета.

– Что ей петь? Я знаю очень мало детских песенок.

– О, не обязательно детские, – сказал доктор.

Он разломил аспиринку надвое и половину положил мне в рот. Мама Девочка дала мне запить. Я проглотила, и доктор погладил мое лицо своими маленькими ручками, и улыбнулся, и сказал:

– Баю-баюшки-баю.

Не спел, просто сказал и еще добавил:

– У меня часто бывает желание, чтобы кто-нибудь попел мне.

Мама Девочка посмотрела на него так, будто он сказал что-то очень странное, а потом открыла сумочку и достала оттуда кошелек.

– Сколько я вам должна, доктор?

– Что вы, дорогая моя!

– Нет, я настаиваю. Работа врача должна оплачиваться.

– О, тогда один доллар, – сказал он, и Мама Девочка дала ему долларовую бумажку.

– А ты, – он повернулся ко мне, – если хочешь знать, совсем не больна.

– Я знаю.

Мама Девочка проводила доктора до двери, они поговорили еще немного, и он ушел, и тогда Мама Девочка вернулась, села на кровать и тихо-тихо запела.

Она запела свою любимую песню, ту, в которой есть слова: «Время медленно течет, но сделать может очень много». Где она не помнила слов, она просто мурлыкала, и я подумала: как это прекрасно. Подумала, что Мама Девочка – самая прекрасная девушка в мире. Подумала, что весь мир прекрасен. Зазвонил телефон, Мама Девочка сказала что-то вполголоса и положила трубку, и вернулась ко мне, и снова начала петь.

Никогда в жизни мне не было так хорошо.

Вдвоем

Я чувствовала запах Мама Девочки и засыпала. Это был ее обычный запах: ее самой, дорогих духов и сигарет.

Она пела и пела, иногда со словами, иногда без слов, и потом, уже засыпая, я услышала, как она ложится рядом со мной: она сказала что-то, потом поцеловала меня, крепко обняла и легла.

Мне было лучше всех на свете.

Так мы пролежали долго-долго, а потом я обо всем забыла, но все равно знала, что я совсем не больная, а счастливая и мне лучше всех на свете.

Я услышала, что кто-то негромко разговаривает, и открыла глаза, и прямо передо мной стояли Мама Девочка и Глэдис Дюбарри со своим врачом.

Сразу было видно, что Глэдис богатая, ужасно богатая. Она была очень худая, не то что Мама Девочка. Ее фигура была как вешалка для дорогих платьев. Она была пострижена под мальчика, и грудь у нее была тоже как у мальчика. Захлебываясь от волнения, она говорила высоким голосом:

– Нет, я этого не понимаю! Здесь не то что сесть – стать негде! Сейчас же поговорю с управляющим, и вас моментально переведут в номер люкс с выходом на крышу-террасу. Жить в этом чулане! Я не допущу, чтобы с моими друзьями так обращались.

– Подожди, – сказала Мама Девочка. – Я сама попросила этот номер.

– Но почему?

– Потому что за него я плачу три доллара в день, а не двадцать и не тридцать.

– Какая чушь! Сколько тебе нужно?

– Миллион, – сказала я, и Глэдис повернулась ко мне и взвизгнула:

– Ой, Кузнечик! Как я рада, что вы с Мамой Девочкой в Нью-Йорке, и я специально для тебя устрою роскошный прием в саду!

Она обняла меня и поцеловала, и тогда я ее понюхала. Пахнет она не плохо, но она совсем не Мама Девочка – это точно. Я даже не знаю, что она такое. В ней есть все, что есть у Мама Девочки, кроме самой Мама Девочки. Есть запах духов, запах дорогих платьев, алмазов и рубинов, но нет того, совсем другого, что есть только у Мама Девочки.

Доктор взял руку Мама Девочки, и Мама Девочка посмотрела на него, а потом на Глэдис, и Глэдис кивнула, и я снова посмотрела на доктора. Он был высокий и красивый, но в нем тоже чего-то не хватало.

– Мой-то пульс вам зачем? – удивилась Мама Девочка.

– Глэдис сказала, что вы больны.

– Не я! Моя дочь – но ей уже много лучше, правда, Лягушонок?

– Я чувствую себя превосходно.

– Она проспала почти час, – сказала Мама Девочка и высвободила руку.

– Смерим-ка мы лучше температуру вам, – сказал доктор.

Он сунул градусник в рот Маме Девочке и через некоторое время посмотрел на него и сказал:

– Так я и думал. Почти сто два. Что с вами такое?

– Вот это мне нравится, – ответила Мама Девочка. – Ведь вы врач, не я. Не имею ни малейшего представления.

– Ясно, – сказал доктор. – Моментально в постель.

– В постель? Здесь?! – завизжала Глэдис. – Двое – в одну постель уборщицы?

– Знаешь что, перестань воображать, – сказала Мама Девочка. – Я приехала в Нью-Йорк устраиваться на работу в театр, а не валяться в удобных постелях. Ты, разумеется, спишь в постели какой-нибудь королевы?

– А как ты думала? – сказала Глэдис. – Бери свою очаровательную дочь и немедленно выбирайся из этого стенного шкафа.

– Хватит, – обрезала Мама Девочка. – Это мой дом в Нью-Йорке, и прошу не забывать, что я тебя сюда не звала. И хочу надеяться, что ты не станешь болтать об этом всем и каждому. Живу в «Пьере» – и все.

В дверь позвонили, это был посыльный отеля со свертком для меня. В свертке оказалась небольшая индейская кукла с наклейкой на пятке, а на наклейке стояла цена: 1 доллар. И была карточка с надписью: «Маленькой милой девочке». Это прислал мой доктор.

Глэдис и Мама Девочка говорили и все спорили, спорили, и Глэдис визжала, критиковала наш номер и предлагала деньги, но Мама Девочка отказывалась, и в конце концов Глэдис и ее врач ушли.

Мама Девочка сказала телефонистке, чтобы та не соединяла нас абсолютно ни с кем, а потом вернулась в постель и снова прижалась ко мне, крепко-крепко, и стала шептать и смеяться, и сказала:

– Ох, Лягушонок, сначала температура у тебя, потом у меня, и теперь похоже, что обе мы умираем.

– Ну и пусть, – ответила я. – Мне это нравится.

Скоро Мама Девочка уснула, а я смотрела на нее и слушала, как она дышит.

Мне было покойно и хорошо. Я слышала автомобильные гудки откуда-то издалека и другие звуки – голоса на улицах и свистки постовых на перекрестках, но не самолет.

Я попробовала снова услышать самолет, но не смогла, а только вспомнила, как слышала его шум и как от этого было плохо; но хоть услышать его теперь я старалась изо всех сил, мне все равно было лучше!

Мне было лучше всех на свете, и я ничего не могла с этим поделать.

Я лежала в постели рядом с Мамой Девочкой, она спала, а я нет, но все равно мы были вдвоем, я и Мама Девочка. Вдвоем – и с нами весь мир. Она, большая и круглая, и я, маленькая и пряменькая, и я любила ее, любила всю до последнего кусочка. Любила даже сигаретную часть ее запаха, которую обычно не люблю. Смотрела на нее, нюхала – и любила, дотрагивалась – и любила. Мама Девочка немножко улыбнулась, когда я положила пальцы ей на губы, а потом она медленно подняла руку и взяла мою, но не сжала, и я поняла: хотя она спит, она знает, что это я.

Я вылезла из постели, потому что стало слишком жарко, и начала обходить наш нью-йоркский дом, 2109-й номер отеля «Пьер», на который фыркает Глэдис Дюбарри, – но что она понимает? Разве знает она, что это такое, когда долларов у тебя не шесть миллионов, а может быть, просто шесть, или шестьдесят, или самое большее шестьсот?

Да, комната действительно была тесная. Но все равно я любила ее, любила всю до последнего дюйма, потому что в ней мы с Мамой Девочкой были вместе. Я открыла дверь, чтобы посмотреть, что там за ней; за ней, конечно, был коридор. Я только сделала по нему несколько шагов, как дверь в нашу комнату вдруг захлопнулась. Я побежала назад, но замок защелкнулся, и войти было нельзя. Мне не хотелось будить Маму Девочку, но что-то надо было сделать. Ведь я совсем не думала, что дверь захлопнется. А потом я услышала, как остановился лифт. Услышала, как открывается его дверь, услышала приближающиеся шаги, и мне стало стыдно за свой вид (ведь я была в ночной рубашке), но спрятаться было некуда. Из-за угла появилась очень высокая леди со свертками, она увидела меня и сказала:

– Молодая леди, помогите мне, пожалуйста, управиться с этими свертками, а я приглашу вас на чай.

– Пожалуйста, мэм.

Я взяла у нее четыре свертка поменьше. Мы дошли до самого конца коридора, леди открыла ключом дверь, и мы вошли. Она свалила свои свертки на низкий стеклянный столик, и я сделала то же самое. Она села и вздохнула, а потом сказала:

– Ну а теперь дай я на тебя посмотрю.

Она оглядела меня сверху донизу и попросила:

– Повернись, пожалуйста.

Я повернулась.

– Ужас до чего худая, но чем-то ты мне нравишься. А я тебе чем-нибудь нравлюсь?

Я ответила – да.

– Хорошо, но тогда я сгораю от нетерпения узнать, чем же именно.

– Не знаю.

– Вот то же самое и со взрослыми, только наоборот: им я не нравлюсь, а почему – этого они тоже не знают. Где ты живешь?

– Пасифик Пэлисейдз, Макарони-лейн, тысяча один.

– А сюда ты как попала?

– На самолете.

– Где твой отец?

– В Париже.

– А твоя мать?

– В две тысячи сто девятом номере.

– В маленькой комнате дальше по коридору?

– Да.

Леди подумала немного, а потом сказала:

– Ладно, давай тогда пить чай.

– Давайте.

Розыски

У высокой леди оказался и чайник, и поднос, и сахарница, и сливочник, и полоскательница – целый сервиз, все серебряное, с розами и листьями, вырезанными на серебре, и тонкими-тонкими, почти прозрачными чашками и блюдцами.

Чай она пила крепкий и без ничего – только с тоненьким ломтиком лимона, который она съела с кожурой; а мне она налила в чашку немножко чая, а потом доверху сливок. Мне это ужасно понравилось. Вкус был лучше, чем у одних сливок – их я просто ненавижу. У нее было большое блюдо разного магазинного печенья и еще торт из самой лучшей кондитерской, весь пропитанный ромом. Она сама съела кусочек и такой же дала мне.

Чай мне понравился, часть печенья – тоже, но больше всего – этот ромовый торт, потому что внутри он был сырой и прохладный.

Мы ели и пили, а леди разговаривала со мной так, будто она моя ровесница, и мне казалось, что мы пьем чай не по-настоящему, а понарошку, играем. Она говорила как Дебора Шломб, и еще я увидела, что мы в одном из лучших номеров «Пьера» и мебель, наверное, ее собственная. Не знаю, как остальное, но роскошные портреты на стенах были уж точно ее, потому что на двух была она, а на двух других – дети, и теперь я окончательно поняла, что она мне не ровесница и что она важная персона, важная, но в то же время очень обаятельная, обаятельнее всех, кого я знала, и даже всех, о ком слышала.

Мы говорили и говорили без конца, пили чай с печеньем и ромовым тортом, много смеялись, и время незаметно шло. Я знала, что Мама Девочка крепко спит, а выспаться ей надо было обязательно. Я себя чувствовала совсем здоровой. В свой номер я могла вернуться в одну минуту, и именно поэтому не спешила возвращаться. А поспешить следовало...

Могу представить себе, что было, когда Мама Девочка проснулась. Что ее разбудило, я не знаю. Может, она по запаху узнала, что меня нет в комнате. Так или иначе, сначала она наверняка решила, что я прячусь, потому что это мы с ней проделываем очень часто. Иногда прячусь я, иногда – она, а потом мы друг друга ищем. И наверное, она даже не встала с постели – просто лежала и говорила, и думала, что я ее слушаю, но я ее, понятно, не слушала, потому что меня в комнате не было, я на другом конце коридора распивала чаи с ромовым тортом. Потом, наверное, Мама Девочка попросила меня вылезти из стенного шкафа, из ванной, из-под кровати, из-за бюро, или где там я прячусь, но я не откликалась: ведь меня нигде не было. Тогда, вероятно, Мама Девочка поднялась с постели и начала искать меня, и, конечно, не нашла. И вот тогда она испугалась. Она стала просить меня больше не прятаться, выйти, а потом случайно взглянула на окно, и одна створка была открыта для вентиляции, не настежь, но наполовину открыта, и Мама Девочка завизжала и как сумасшедшая забегала по комнате, а потом постаралась взять себя в руки, позвонила управляющему и очень спокойно ему обо всем рассказала. Управляющий велел персоналу меня искать, и начались розыски. Он сам вышел на улицу посмотреть, что там, а там, конечно, было то же, что всегда. Маме Девочке он сказал, что за долгие годы его работы в отеле никто еще не нагонял на него такого страха. Чтобы девочки падали из отеля «Пьер»? Да такого, сказал он, просто не бывает.

Я опивалась чаем и объедалась ромовым тортом, когда по коридору вдруг торопливо заходили, но мне и в голову не пришло, что меня могут разыскивать – а именно так оно и было. Ходили коридорные и два отельных сыщика, мужчина и женщина. Сперва они поговорили с Мамой Девочкой, она показала им мое фото, и тогда они заходили по коридору. Сети были расставлены.

И наконец сыщик-женщина позвонила в номер высокой леди. Леди попросила меня посмотреть, кто там, но когда я открыла дверь, сыщик-женщина подпрыгнула и издала смешной звук, и леди спросила:

– Вы кто такая?

Сыщик-женщина объяснила, кто она такая, и высокая леди рассердилась:

– Но с какой стати вы звоните ко мне?

– Из две тысячи сто девятого номера пропала девочка.

– Кто вам сказал, что она пропала?

– Ее мать.

– Ой-ой, – сказала я. – Мне надо идти.

Благодарить и прощаться не было времени. Я проскочила мимо женщины-сыщика и пулей понеслась к нашему номеру. Но дверь в номер была закрыта. Мне хотелось оказаться в нем как можно скорее, потому что вокруг были коридорные, а на мне не было ничего, кроме розовой ночной рубашки, которая очень просвечивала. Я забарабанила в дверь и закричала:

– Мама Девочка!

Дверь распахнулась как от взрыва. Мама Девочка взглянула на меня – и так ужасно вздохнула, что из нее вышел весь воздух, какой в ней только был. Не сказав мне ни слова, она отвернулась от меня, пошла и снова улеглась в постель. Я вошла и закрыла за собой дверь, и подошла к Маме Девочке, и стала просить у нее прощения, и она сказала, что мне не следовало уходить, и что я напугала ее до смерти, и что надо позвонить управляющему, что я нашлась и уже в своей комнате, с мамой. Так я и сделала.

И тогда она укуталась с головой в одеяло.

У меня кошки заскребли на душе, когда я увидела, что Мама Девочка укуталась с головой: так она делает всегда, когда очень расстроится, а виновата в этом сейчас была я. И я стала просить:

– Мама Девочка, не расстраивайся, пожалуйста, не прячься, прости меня, пожалуйста.

Но Мама Девочка ни за что не хотела вылезти из-под одеяла. Она сердито пробурчала что-то, только я не поняла что.

– Что ты сказала, Мама Девочка?

– Я сказала, что ты поставила меня в ужасно дурацкое положение.

– Нет, нет, Мама Девочка, не поставила! Пожалуйста, вылез.

– Нет. Я зла. Зла на тебя. Зла на твоего отца. Зла на Питера Боливия Сельское Хозяйство. Зла на Клару Кулбо и Глэдис Дюбарри – но больше всех я зла на Матушку Виолу, потому что, приди она вовремя, я бы не поехала в Нью-Йорк. Теперь, когда я в Нью-Йорке, я очень жалею, что я не в Калифорнии.

– Ну уж нет: здесь лучше всего на свете!

– Хуже всего на свете! Мне хочется умереть.

– Не надо, Мама Девочка, не говори так, а то вдруг Бог услышит тебя и поверит, и возьмет тебя на небо – а где тогда буду я?

– В коридоре на двадцать первом этаже «Пьера». Как ты могла это сделать?

– Ну пожалуйста, вылез.

– Нет, я зла. Уходи.

– Куда?

– В Париж. К своему отцу. Но только не в ночной рубашке. На разведенную мать и так всегда косятся. Еще скажут, что я плохо тебя воспитываю.

– Но ведь ты воспитываешь меня хорошо!

– Голову даю на отсечение, что хорошо, – и это такой больной человек, как я!

– А разве ты еще больна?

– Ужасно. Смертельно. До безумия.

– Но почему?

– Я невезучая. Я ничтожество. Я никто.

– Ты?! Неправда, ты везучая, и не никто, а ВСЁ!

Мама Девочка высунулась из-под одеяла и спросила:

- Ты и вправду так думаешь, Лягушонок?
- Думаю? Знаю! Ты самая красивая и везучая во всем мире.
- Раз так, мы одеваемся и идем гулять.
- Ура!
- Не так громко! Это тебе не школа, это «Пьер». На разведенную мать и так косятся.
- Тихое ура!
- Да, Лягушонок, кричи ура тихо.
- Ура еще тише!
- Чудесно.
- Ура тихое-претихое.
- Прекрасно.

Я прокричала ура так тихо, что Мама Девочка спросила:

- Что ты там бормочешь?
- Ура.
- Хорошо, только тише, Лягушонок. Платья наденем одинаковые?
- Ура.
- Тише. Голубые с красными и белыми цветочками?
- Тихое ура!

Мы оделись и стали опять здоровые и отдохнувшие. В Нью-Йорке уже наступала ночь, и мы обе были здесь, в нем, в Нью-Йорке, а не в доме на Макарони-лейн в Пасифик Пэлисейдз! Ура!

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Когда мы вошли в лифт, чтобы спуститься в вестибюль отеля, лифтер, которому было лет пятьдесят или шестьдесят, а может, даже семьдесят или восемьдесят, засмотрелся на нас, потому что Мама Девочка всегда ужасно красивая, а может, еще и потому, что я тоже выглядела совсем не плохо.

Когда на каком-то этаже лифт остановился и вошли муж с женой, они тоже стали смотреть на нас, а потом женщина зашептала что-то мужчине. Я все время следила за ними, и мне показалось, что в какой-то миг мужчина хотел было повернуться и еще раз взглянуть на нас, но его на это не хватило, и тогда посмотрела женщина, правда очень быстро. Мама Девочка ждала этого и сразу уставилась на нее: она делает так всегда, когда ей кажется, что кто-то умышленно грубит. Мама Девочка не сердится, когда грубят нечаянно или оттого, что не понимают, но когда грубят умышленно, она сердится страшно. Лифт остановился снова, и теперь в него вошли двое мужчин и двое женщин. Им было очень весело, и они смеялись, как смеются счастливые люди. Они сразу заметили нас с Мамой Девочкой, и мы им очень понравились, хотя они не сказали ни одного слова и даже не стали поворачиваться, чтобы еще раз посмотреть; зато муж женщины-шептуньи повернулся и посмотрел, и я поняла, что сейчас Мама Девочка что-нибудь скажет, и крепко-крепко сжала ее руку, и она опустила глаза, улыбнулась и подняла брови. Это значило: «Ладно-ладно, ничего не скажу, но кое-кто из постояльцев “Пьера” ведет себя так, будто живет в конюшне».

Лифт опять остановился, и на этот раз вошли, тихо и молча, трое людей, совсем незнакомых друг с другом. Все потеснились назад, к нам, чтобы дать им место.

Новая остановка – и зашли еще двое, и теперь уже в лифте не оставалось больше свободного места, так что, когда лифтер стал останавливать лифт на другом этаже, один из двух мужчин, которым было весело, сказал:

– Хватит, Джо, не будем запикивать сюда всех жителей Нью-Йорка! Уже и так собралась теплая компания, и ты только испортишь все дело.

Мама Девочка засмеялась, и я тоже, зато шептунья посмотрела на него так, будто он сказал что-то очень глупое.

Но лифтер все равно остановил лифт и открыл дверь, и на этот раз не оказалось никого, кроме старика с тростью и закрученными вверх усами. Как он увидел, сколько в лифте народу, так сразу махнул лифтеру рукой, чтобы спускались без него, но лифтер стал ждать и даже сказал:

- Спускаемся, заходите, пожалуйста.
- У вас и так достаточно пассажиров, – ответил старик. – Поеду следующим.
- Сейчас работает только один, – сказал лифтер.
- Тогда подожду.
- Входите-входите – вон сколько места!
- Отправляйтесь дальше, я не выношу тесноты.

Но лифтер все не отправлялся и ждал его. Звонок вызова трезвонил не переставая, и лифтер посмотрел, сколько разных этажей ждет лифта, и сказал:

- Входите скорей, вон сколько народу меня дожидается.
- Это старика так рассердило, что он даже поднял свою трость.
- Знаете что, – сказал он, – закройте сейчас же свою дверь и отправляйтесь дальше.
- Но лифтер все не закрывал.

Четверо веселых и смеющихся один за другим повыскакивали из лифта, и тот из них, который до этого не говорил ни слова, сказал вдруг:

– Всю жизнь мечтал походить по одиннадцатому пажу «Пьера», и вот наконец представился случай. Передайте, пожалуйста, чтобы нам прислали сюда четыре стакана и бутылку шампанского. Мы будем дальше по коридору.

И повернулся к человеку с тростью:

– Вы совершенно правы. Слишком долго терпели мы тиранию лифтов и лифтеров. Чтоб они провалились, эти лифты!

Он повернулся к лифтеру и сказал:

– Провалитесь!

Лифтер грохнул дверью. Я думала: ну уж на этот раз мы точно съедем в самый низ, но вместо этого мы поехали вверх, и люди начали переглядываться. Мы впустили несколько человек на девятнадцатом этаже, еще несколько – на шестнадцатом, а потом спустились на девятый, и там к нам набилось полным-полно народу – и только тогда лифт спустился в вестибюль.

Все вышли, и мы с Мамой Девочкой тоже.

Посыльные все как один стали пялить на нас глаза, а когда мы подошли к конторке, человек, который сидел за ней, тоже уставился на нас, и другие, стоявшие около него, – тоже, сначала на Маму Девочку, потом на меня. А потом они все заулыбались.

Шептунья сказала человеку за конторкой:

– По-моему, ваш лифтер сошел с ума.

И повернувшись, пошла прочь, а вслед за ней пошел ее муж.

Человек за конторкой спросил:

– Что-нибудь с лифтом?

– Просто лифтеру нужна помощь, а кое-кому из пассажиров захотелось поразвлечься, вот и все.

– Он один из старейших наших служащих, – сказал человек за конторкой. А потом снова поглядел на меня и снова – на Маму Девочку и добавил:

– Я вижу, вы нашли свою дочь.

– Да, благодарю вас.

– Я слышал, она была в гостях у мисс Крэншоу.

– У кого, у кого?

– У мисс Кэйт Крэншоу.

– Актрисы?

– Она не играет больше, только преподает.

– Я думала, она умерла.

– Что вы! Она уже несколько лет занимает северный номер люкс с выходом на крышутеррасу на двадцать первом этаже, и не умерла, а здоровехонька, могу вас в этом уверить.

– Кому же она преподает?

– Звездам, конечно.

– Звездам сцены?

– Сцены, экрана, телевидения и всего прочего.

– Благодарю вас, – сказала Мама Девочка, и мы пошли через вестибюль к выходу на Пятую авеню.

– Одуванчик, – снова заговорила Мама Девочка, – знаешь, у кого ты была в гостях?

– У кого?

– У величайшей в мире актрисы-педагога, вот у кого. У самой Кэйт Крэншоу.

– Что она делает?

– Учит актеров играть.

– А разве они сами не умеют?

– Увы, нет. Настоящие актеры все время учатся. А теперь расскажи мне, пожалуйста, про мисс Крэншоу.

– А что рассказать?

– Ну, например, я бы ей понравилась, как по-твоему?

– Я ей понравилась, значит, и ты понравишься: ведь ты моя мать. Правда, я была не совсем одета, когда мы с ней знакомились.

– Ее это шокировало?

– Что ты! Она даже не заметила.

– Просто она настоящая леди. Лягушонок, расскажи мне о ней все-все.

– Она очень высокая. Очень худая. Очень элегантная. Взгляд пронизывает насквозь. Все слова выговаривает очень отчетливо, и с ней очень интересно.

– Еще что?

Мы с Мамой Девочкой шагали уже по Пятой авеню, и я старалась рассказать про Кэйт Крэншоу, но ведь, когда я была у нее, я не знала, что это она. Она не спрашивала у меня мое имя и не сказала мне свое.

Мы шли по стороне, на которой Центральный парк.

– Чувствуешь, Лягушонок? – спросила Мама Девочка.

– Что?

– Запах деревьев Центрального парка. Запах травы Центрального парка. Запах птичек и белок Центрального парка.

– Кажется, чувствую.

– Когда войдем в него, ты почувствуешь их все – и запах людей в придачу.

Примерно через квартал был вход, и мы оказались наконец в Центральном парке. Скоро мы свернули в сторону от широкой асфальтированной дороги, забитой машинами, и пошли по дорожке, по которой не ездят даже на велосипедах, а только ходят. Потом мы остановились, и Мама Девочка стала рассматривать деревья, большие глыбы черного камня на земле и лужайку с цветами. А потом она глубоко-глубоко вздохнула и сказала:

– Люблю Центральный парк!

– Я тоже. А ты его за что любишь?

– За то, что он в Нью-Йорке.

– Если ты любишь Нью-Йорк, почему ты в нем не живешь?

– Потому что я его ненавижу.

– Ой, Мама Девочка, терпеть не могу, когда ты говоришь так: и люблю, и ненавижу.

– Но ведь это правда, Кузнечик. Да, я люблю Нью-Йорк, но я его также ненавижу.

– Почему?

– Потому что это так на самом деле. Только никто не хочет признать этого, но все равно это так. Центральный парк я знала еще тогда, когда не умела говорить. Я люблю его и ненавижу и хочу, чтобы весь мир стал лучше.

– Лучше чем что?

– Чем то, что он есть.

– А что он есть?

– Нечто печальное и несуразное.

– И нет, очень веселое!

– Хорошо, пусть веселое. Неужели ты не видишь, Лягушонок, как я боюсь?

– Чего?

– Себя. Того, как я живу. Как долгое время жила. Как у меня все получается. Как я исковеркала свою жизнь – все свои тридцать три года.

– Тридцать три? Но ведь тебе двадцать один!

– Ох, Лягушонок, ты мой друг, мой преданный друг, но все равно я боюсь.

– Не бойся, Мама Девочка!

– Боюсь, что ты будешь жить той же жизнью, что и я, потому что я твоя мать и ты все время со мной.

– А я хочу жить такой жизнью!

– Вот это и плохо, Лягушонок.

– А что хорошо?

– Сама не знаю. Если бы я только знала! И никто из моих знакомых не знает. Никого из нас не радует жизнь, которую мы ведем, но как изменить ее, никто понятия не имеет. Вчера в это время мы были в Калифорнии – а где мы теперь?

– Здесь, в прекрасном Центральном парке!

– Зачем?

– Чтобы ты поступила в театр и стала знаменитостью.

– Ох, Лягушонок, мне от себя тошно. Мне кажется, что я абсолютно бездарна.

– Что ты, Мама Девочка, ты великая актриса!

– Для тебя – может быть.

– А мне, если хочешь знать, не так уж легко понравиться. Не будь ты великая актриса, ты бы никогда не смогла так ловко обманывать меня – я бы всегда замечала. Вот увидишь, у тебя будет очень хорошая роль.

– Но я завтракала с лучшим режиссером на свете, и он не предложил мне никакой роли, даже крошечной, и теперь он приглашает нас на завтрак специально для того, чтобы познакомиться с тобой. Ты хочешь играть на сцене?

– Ой, что ты! Я совсем не умею, я еще маленькая.

– Он и хочет, чтобы ты сыграла маленькую девочку, вроде себя самой, так что особенно придумывать тебе не придется. Тебе надо будет только запомнить, когда что делать и говорить, – вот и все.

– Не хочу.

– Определенно?

– Мама Девочка, а ты хотела бы, чтобы я играла?

– Не знаю. Я растеряна. Мне всегда страшно не нравились матери, которые выпускают своих детей на сцену, превращают их в маленьких обезьянок и живут на их заработки, но теперь – не знаю. И потом, у меня нет никакого желания прятать от тебя необыкновенную жизнь...

– А где она?

– На сцене.

– А где будешь ты?

– О, где-нибудь на задворках, как все матери маленьких монстров, выступающих на сцене.

– Мама Девочка!

– Я не имею в виду тебя, Лягушонок. Я говорю про бедных матерей и их бедных, несчастных детей. Сама мысль о том, чтобы выпустить ребенка на сцену, меня возмущает, но ведь никуда не денешься: есть много великолепных пьес, где без детей не обойтись, и кто-то ведь должен играть их? Просто не знаю.

Мы дошли до пустой скамейки и сели. Я взяла Маму Девочку за руку, почти такую же маленькую, как моя, и крепко-крепко ее сжала, потому что Мама Девочка была очень расстроена, а мне хотелось, чтобы это поскорее прошло.

Сумасшедший колибри

В Нью-Йорке было очень жарко, даже в Центральном парке, даже под конец дня. Когда мы сели на скамью, я увидела куст с длинными желтыми цветами, а потом увидела колибри, он сунул свой длинный клюв, похожий на иголку, в цветок и будто повис в воздухе, махая крылышками так быстро, что нельзя было даже рассмотреть, – просто облачко. А потом как подпрыгнет вверх, словно испугался чего-то, но, наверное, все-таки не испугался, потому что тут же упал к другому цветку и снова сунул в него клюв и повис в воздухе, и начал доставать из цветка духи. Доставал он недолго и снова сорвался с места, будто у него очень срочное дело, но только на этот раз полетел не вверх, а в сторону, повис на миг в воздухе и упал к новому цветку.

Почему колибри летит в одну сторону, а не в другую? Куст был весь в цветах, сплошь. Неужели колибри чувствует на расстоянии, в каких из них больше всего духов?

И снова метнулся, теперь – на другую сторону куста, так что его стало почти не видно, но немножко я все же видела – его хвост, который двигался так же быстро, как крылья.

Он был красивым маленьким существом, этот колибри, но как он мог летать так быстро все время? Неужели он все летает, летает и никогда не останавливается? Нет, все-таки остановился, встал, как любая другая птица, двумя ножками на голый сучок куста – и все вокруг тоже перестало двигаться. Так он стоял, и теперь я увидела его по-настоящему, и он был просто очень маленькой длинноклювой птичкой, а не быстрым непоседой, которым был только за секунду до того. Но простоял он недолго – сколько нужно, чтобы досчитать до трех, а потом снова принялся за работу: начал снова туда-сюда, и все как-то быстро, по-сумасшедшему и совсем непонятно.

Я крепко сжала руку Мама Девочки. Она посмотрела на меня и спросила:

– Что с тобой, Лягушонок?

– Колибри. Посмотри на него.

– Где?

– Да вон, на том кусте с длинными желтыми цветами.

Мама Девочка посмотрела и сказала:

– Ой, до чего же он красивый! Ой, как я их люблю!

– Не сошел ли он с ума немножко?

– Почему?

– А ты посмотри на него хорошенько: все время срывается с места, остановится у цветка, попьет духов, а потом вдруг метнется и умчится, будто что-то его напугало, но на самом деле ничего его не пугало. И только и делает, что останавливается и пьет из другого цветка. Почему он не переходит на соседний цветок, а мечется туда-сюда?

– Должно быть, у него есть на это причины, – ответила Мама Девочка.

Она снова стала смотреть, а потом снова сказала те же слова.

– Тебе грустно, Мама Девочка?

– Ой, что ты, Лягушонок! Это просто стыд, что тебе приходится из-за меня переживать.

Правда, мне грустно. А тебе?

– Мне грустно.

– Очень хорошо, потому что я ведь для того и живу, чтобы веселить тебя, когда тебе грустно. Чего бы ты хотела?

– Просто грустить.

– И не хочешь быть веселой?

– Если, как ты говорила, весь мир, и ты тоже, нечто грустное и несуразное, то пусть я тоже буду такая.

- Но ты не должна стараться быть грустной, это наступает само собой.
- Ничто не наступает само собой.
- Грусть – наступает.
- Ну а у меня не так: мне надо стараться, тогда она наступит.
- Значит, ты не грустишь по-настоящему.
- Еще недавно, правда, было так, но теперь – по-настоящему.
- Как это у тебя получилось?

– Благодаря колибри. Я подумала, что я колибри. Сначала было очень весело, я стала такая быстрая, свободная и чувствовала себя просто замечательно. Но скоро я устала быть такой маленькой, суетливой и сумасшедшей. Устала срываться с места и носиться во все стороны. Устала пить из длинных желтых цветов. Устала от всего – и тогда я начала грустить и скоро стала очень грустная.

- Что ж, наверное, и вправду можно захотеть – и загрустить.
- А вот сейчас я захочу – и перестану грустить.
- Как?
- Начну думать, что я не колибри и грустить мне нечего.
- Хороший способ.
- Вот уже не грущу. Но подожди, кажется, снова захотелось грустить.
- Не придумывай, пожалуйста, – сказала Мама Девочка. – Пойдем-ка лучше поедим где-нибудь. Может, в «Автомат»?

- Конечно, только пойдем туда попозже.
- Все-таки когда?
- Когда стемнеет.
- В августе темнеет не раньше восьми, лягушонок, а по-настоящему – так в половине девятого.

- А сейчас сколько?
- Без пяти восемь.
- Ну, тогда я не хочу есть, пока не стемнеет совсем.
- Ты просто не хочешь есть – и все.
- Нет, хочу.
- Что именно?
- Суп.
- Почему вдруг суп?
- Овощной суп.
- Хорошо, овощной суп – но почему?
- Я ужасно люблю суп, особенно овощной.
- Если ты так любишь его, почему ты никогда мне об этом не говорила? Я могла бы покупать тебе в бакалее чудные овощные супы, самые разные. Почему ты мне никогда этого не говорила?

- Я просто не думала, что тебе это интересно. Я ведь не сказала ничего особенного?
- Когда это говоришь ты – еще какое особенное! Может быть, ты, если начнешь есть много супа, хоть немного прибавишь в весе.

Постепенно дневного света не стало, а стало темно, и тогда Мама Девочка спросила:

- Ну а теперь мы пойдем поесть?
- Пойдем, – сказала я, и мы встали и зашагали к выходу из парка.

О голуби, о люди, о маленький мальчик

Лучше всего в Нью-Йорке летним вечером, таких вечеров не бывает больше нигде. Жара стоит страшная, уже темно, а от всего по-прежнему пышет жаром – от тротуаров, от домов, от людей, прямо видишь, до чего некоторых одолевает жара – это видно по их лицам и по тому, как они ходят, стоят и ждут.

На другой стороне улицы, напротив парка, на самом углу Седьмой авеню, стоял и ждал мужчина с тележкой. Ему было очень жарко. Он вытащил из заднего кармана брюк большой синий платок и стал вытирать им лицо, а когда закончил, увидел нас с Мамой Девочкой и сказал:

– Купите что-нибудь вашей девочке.

Мама Девочка остановилась и посмотрела, что у него в тележке, а там был арахис в скорлупе, семечки подсолнуха, кедровые орехи и три или четыре сорта леденцов.

– Собственно говоря, – сказала Мама Девочка, – для всего этого сейчас слишком жарко – но уж ладно. Чего бы ты хотела, Одуванчик?

– О, – сказала я, потому что даже и не знала. Вообще-то мне не хотелось ничего из того, что у него было, но и не хотелось его огорчать. Я на все посмотрела, но все, казалось, изнывало от жары, и я просто не могла выбрать. Наконец я решила: пусть Мама Девочка что-нибудь купит у него сама, потому что ему очень жарко, и у него тележка, а на ней – все эти вещи, которым тоже жарко, и сейчас вечер, а сам он откуда-то издалека. Было видно, что он родился не в Нью-Йорке, а где-то совсем в другом месте.

– Вот этих, – сказала я.

– Угу, – сказала Мама Девочка, – они приятные.

– Кедровые орехи, – сказал мужчина. – На пять центов? На десять?

– Пожалуй, на десять, – сказала Мама Девочка. Мужчина взял маленький совочек, зачерпнул им с подноса кедровых орехов, а потом ссыпал их с совочка на маленькие весы и отвесил на десять центов. Потом он пересыпал орехи в бумажный пакетик, и Мама Девочка дала ему десятицентовую монетку, а он дал мне пакетик с орехами, и я вместо «спасибо» сказала «мерси», потому что он был из другой страны, и он посмотрел на меня и кивнул. Мама Девочка улыбнулась, и мы пошли дальше. Я высыпала несколько орехов себе на ладонь и предложила Маме Девочке. Она взяла три или четыре, а пять или шесть оставила мне. Я взяла один в рот и разгрызла. Он оказался вкусный, но теплый. Мама Девочка тоже съела один.

– По-моему, они хороши для канареек, – сказала она.

– А вот и нет.

– Ведь они ужасно мелкие, и чтобы набрать их полон рот, надо разгрызть не меньше сотни.

– А кому нужно набирать полон рот?

– Разумеется, не тебе, – сказала Мама Девочка. – Что хорошо для канарейки, то и для тебя сойдет.

– Они не едят кедровых орехов, их только люди едят.

Мы грызли и ели их один за другим, и шли по Седьмой авеню к Пятьдесят седьмой улице, туда, где Карнеги-холл. Каждый раз, как мы бросали на тротуар скорлупу, к ней наполовину подбегали, наполовину подлетали один-два нью-йоркских тротуарных голубя. Посмотрят, клонут – и видят, что напрасно торопились, есть нечего, и тогда я бросила им три или четыре целых орешка, но голуби не смогли их расклевать.

– Вот видишь, – сказала я, – даже голуби не могут есть кедровые орехи.

Я остановилась, и два голубя тоже остановились и посмотрели вверх – им было интересно, что я сделаю.

Я разгрызла один орех, а потом другой и ядрышки бросила голубям, и они мигом проглотили и стали просить еще. Я опять сделала то же самое, Мама Девочка – тоже, и мы оглянуться не успели, как вокруг нас собралось двадцать или тридцать голубей, которым хотелось кедровых орехов. Были всякие-всякие: белые, черные, серые, пестрые, любой величины – и большие, и средние, и маленькие, и все – голодные и очень проворные, но только колибри был куда проворнее, а они двигались, как люди в толпе, и были очень настороженные, и все время поглядывали вверх, вниз и во все стороны. Несколько людей тоже остановились. Люди на улицах любят останавливаться и смотреть. Если на самой улице не происходит ничего особенного, они рассматривают витрины магазинов.

Среди них был один мужчина со своим мальчиком. Они держались за руки, но мальчик высвободил руку, и его отец увидел, как он пошел к толпящимся голубям, чтобы поймать какого-нибудь из них. Он был очень маленький мальчик и не слишком хорошо ходил, но все равно ему хотелось поймать голубя. Такое случалось с голубями уже столько раз, что они к этому почти привыкли. Они подпускали его к себе совсем близко, а потом быстро отбегали в сторону, и ему никак не удавалось их схватить. Далеко они не уходили и все время высматривали, не бросим ли мы с Мамой Девочкой еще кедровых орехов. Отец маленького мальчика понаблюдал за ним, а потом пошел и взял его за руку.

– Не пугай птичек, – сказал он.

Мальчик посмотрел на него, будто не понимая, и сказал:

– Мои птички.

Наверное, он хотел сказать, что если они его, то он может ходить за ними, ловить их и даже пугать.

– Нет, – сказал мужчина, – они не твои.

– А чьи? – спросил мальчик.

– Ничьи.

– Нет, – сказал мальчик. – Мои птички.

– Хорошо, – сказал мужчина, – твои, но не пугай их.

Они держались за руки, стояли и смотрели, а потом, разговаривая и все время оглядываясь, медленно пошли по улице. Он был хороший человек и хороший отец своему маленькому сыну. Он немного напомнил мне моего отца, когда тот водил меня гулять.

Мама Девочка разгрызла шесть или семь кедровых орехов, но не съела их, а присела и протянула на ладони голубям, чтобы посмотреть, будут ли они есть у нее из рук. Они от этого очень всполошились, потому что им хотелось съесть орехи, но они не были уверены, что могут их взять. Они смотрели, ходили вокруг да около, отдалялись и возвращались, и довольно скоро один из них подошел вплотную к руке Мамы Девочки и взял с нее орех, а потом другой. А потом подошел другой голубь, и первый повернулся и прогнал его, а потом подошел еще один, и он прогнал его тоже, и люди, которые видели это, стали смеяться.

Мужчина с маленьким мальчиком тем временем вернулись к голубям, и теперь у маленького мальчика тоже был пакет кедровых орехов. Он стал бросать их целыми, и голуби ничего не могли с ними поделать. Отец маленького мальчика начал ходить и наступать по очереди на каждый из кедровых орешков, и тогда голуби стали выбирать из них ядрышки. Малыш ужасно радовался этому и тоже начал делать, как отец, но когда он наступал на орешки, они оставались целыми, потому что он был очень легкий. Это его рассердило, и он начал топтать их, а потом поскользнулся и упал и громко заревел. Я подбежала и подняла его. Он все время что-то говорил, но и ревел не переставая, и я не могла понять ни слова. Отец, чтобы утешить мальчика, стал ходить и давить ногами орехи, оставшиеся целыми, а потом взял его у меня и сказал:

– Спасибо, девочка.

А потом взглянул на Маму Девочку и сказал ей:

– Я думаю, он никогда в жизни не забудет это происшествие.

Мама Девочка улыбнулась, но ничего не ответила, и мы с ней пошли дальше, к Пятнадцатой улице.

– А где мать маленького мальчика?

– Кто знает? – сказала Мама Девочка.

– Смешной он, правда?

– Да, смешной.

– А его отец славный, правда?

– Да, славный.

– Он немного напомнил мне моего отца.

– Ничего похожего, – сказала Мама Девочка. – Твой отец купил бы дюжину пакетов, высыпал бы все орехи сразу, тут же раздавил бы их все да еще бросил бы голубям пригоршню денег.

– Зачем?

– Так поступает твой отец.

– Но зачем?

– Так ему нравится.

– Деньги – голубям?

– Он любит делать разные неожиданные и непонятные вещи.

– Но ты сама видела когда-нибудь, Мама Девочка, чтобы он бросал деньги голубям?

– Нет, но я видела, как он делал многие другие не менее неожиданные и непонятные вещи.

– Например?

– Пойдем посидим с тобой в «Автомате», и тогда я, может быть, что-нибудь вспомню.

Ресторан-автомат

Мы перешли Пятьдесят седьмую улицу и очутились прямо перед Карнеги-холлом. Там собралась огромная толпа, одни стояли на тротуаре, другие – на ступеньках, и все новые и новые люди прибывали на метро, на такси и на своих машинах. За полквартала отсюда, на Седьмой авеню, было тихо и спокойно, были голуби, мальчик с папой, человек с тележкой, но у Карнеги творилось не поймешь что.

– Что это они?

– Будет концерт, – ответила Мама Девочка.

– Фортепьяно?

– Нет, не серьезная музыка – будет джаз. То есть и фортепьяно, но в блюзах, диксиленде, буги-вуги и тому подобных вещах. Все это, конечно, очень мило, но не в Карнеги.

– А где?

– Да где-нибудь под голубыми шарами. В баре. Или в темной комнатухе где-нибудь в Гринберг-Виллидж.

– А не в Гринвич?

– Правильно будет так, но однажды в автобусе я услышала, как одна девушка назвала ее Гринберг-Виллидж, и мне это очень понравилось. Ну а здесь, кроме фортепьяно, будут корнеты, кларнеты, тромбоны, саксофоны и, главное, барабаны. Народная музыка.

– Наша?

– Нет, мы не народ. Народ – это всегда кто-то другой, а не мы.

– Ну и все равно, пойдем послушаем эту музыку.

– Нет, не стоит, – сказала Мама Девочка. – Когда эта музыка попадает в Карнеги, все начинают терять из-за нее голову, и она от этого становится хуже. И нам еще надо поесть, а потом добраться домой и лечь спать. Мы обе устали гораздо больше, чем нам кажется. Совсем недавно мы прихварывали, и еще вовсе неизвестно, здоровы ли мы теперь. А на завтрак с Майком Макклэтчи мы должны прийти бодрыми и хорошо отдохнувшими. И прошу тебя, Лагушонок, поужинай хорошенько, ладно?

– Хорошо, Мама Девочка.

– Супом, горячим шоколадом и чем ты только захочешь.

– Мороженым.

– Хорошо.

Ресторан-автомат на Пятьдесят седьмой улице хороший, но войти туда через дверь-вертушку было очень трудно. Только появится в вертушке место и ты хочешь туда встать, как кто-то тут же тебя опередит и оттолкнет в сторону. Мы с Мамой Девочкой все смотрели и ждали, но похоже было, что нам туда не попасть. Потом какой-то огромный мужчина в грубой рабочей одежде придержал дверь и своей большой волосатой рукой загородил людям дорогу. Он кивнул мне, чтобы я встала в вертушку, и я это сделала. Он чуть подтолкнул ее вперед и кивнул теперь Маме Девочке, и она тоже стала в вертушку, и тогда он медленно повернул ее, и мы оказались наконец внутри.

Мы обернулись, чтобы через стекло сказать ему спасибо, но увидели, что он уже уходит. Лицо у него почему-то было сердитое. Теперь дверь завертелась вовсю, и из нее быстро-быстро начали выскакивать разные люди – вроде какой-то механической игры, и еще казалось, будто все происходит на сцене или в цирке.

По-моему, Мама Девочка огорчилась, когда увидела, что у разменной кассы тоже много народу.

– Здесь такой хороший суп, – сказала она. – И весело, правда?

Да, весело, конечно, было, но уж очень все мелькало перед глазами, и казалось, будто все немного сошли с ума. Люди были как голуби на тротуаре, слетевшиеся, чтобы поклевать сосновых семян.

– Ну конечно, Мама Девочка, ужасно весело.

– Или, может, нам лучше пойти в какое-нибудь другое место?

– Нет, зачем же. Попробуем здесь – может, что и выйдет.

Мама Девочка открыла свою сумку, но тут ее толкнула большущая женщина. Сумочка вылетела у нее из рук, и я подхватила ее как раз вовремя, чтобы не дать высыпаться и раскатиться по полу всему, что в ней было. Я еще не выпрямилась, когда кто-то толкнул и меня. Я потеряла равновесие, но все же не упала. Сумочка была у меня в руках, и из нее выпало только три предмета. Пудреницу и губную помаду Мама Девочка подобрала, но ее снова несколько раз толкнули. А потом подбежал мальчик с третьим предметом – гребешком в серебряной оправе.

– О, я так благодарна вам, – сказала Мама Девочка и хотела отойти в сторону, чтобы не загораживать дорогу голодным людям, но куда там! От них просто некуда было деться, и их все прибывало и прибывало. Мальчика, который отдал гребешок, тоже не один раз толкнули, пока он не встал на безопасное место. Мама Девочка протянула ему монету в четверть доллара, но он затряс головой и отступил немного назад. Это был смуглый мальчик лет одиннадцати-двенадцати, и он чуточку напомнил мне моего брата, Питера Боливия Сельское Хозяйство, особенно когда затряс головой и попятился.

Наконец Мама Девочка разменяла два доллара на мелочь, мы пошли туда, где берут подносы, ложки и бумажные салфетки. Мы взяли один поднос на двоих и все остальное, а потом стали ждать, когда придет наша очередь сказать одной из девушек, что мы хотим взять.

– Есть три супа, – сказала Мама Девочка. – Овощной, куриный с рисом и бобовый.

– Ты знаешь, какой я хочу.

– Овощной. А я возьму куриный с рисом.

Через несколько минут одна из девушек налила нам две миски супа – сперва овощного, а потом куриного с рисом. Около каждой из мисок она положила по пакетику соленых крекеров, а потом поставила две тарелочки с шоколадным мороженым, а Мама Девочка бросила деньги в стеклянный ящик, у которого была ручка, и девушка посмотрела на деньги, а потом повернула ручку, и деньги скатились в металлическую коробку, и их не стало видно.

Потом мы пошли туда, где опускаешь в щель две монетки по пять центов, ставишь чашку под кран, нажимаешь на ручку и из крана идет в чашку горячий шоколад. Я налила свою чашку, Мама Девочка свою, но когда она подняла ее и хотела поставить к нам на поднос, какой-то мужчина толкнул ее руку, и часть шоколада выплеснулась из чашки в блюдце, а из блюдца пролилась на поднос.

Теперь оставалось найти столик с двумя свободными местами. Все столики в ресторане были на четыре человека, но мы не могли найти ни одного, где было бы два свободных места. Столиков с одним свободным местом было сколько хочешь, и в конце концов Мама Девочка посадила меня за такой столик, а сама села за соседний. Хоть мы сели и не за один стол, но совсем близко друг от дружки. Мама Девочка улыбалась и кивала мне.

Я знала, что Мама Девочка ждет, когда я начну есть, и принялась за еду. Суп и вправду был очень вкусный, но очень уж мельтешило перед глазами, и мне прямо не верилось, что я сижу и ужинаю. Мне казалось, что я играю в какую-то игру, в которой много-много игроков, но правил этой игры не знаю.

За моим столиком сидел очень толстый человек, а с ним была его жена, такая же толстая, как он, и их дочь, наверное, моего возраста, тоже очень толстая. Я видела, что Мама Девочка все время поглядывает на их толстую дочку, как будто хочет, чтобы я обратила на нее внимание и начала есть, как она, но я и сама обратила внимание на девочку и на то, как

она ест, – быстро и громко. Перед ней стояла целая большая тарелка, которой не видно было под печеными бобами, пюре из сладкого картофеля, макаронной запеканки и огромным рубленым шницелем с соусом. Такие же тарелки стояли перед отцом и матерью, будто все трое сговорились не отставать друг от друга. Они ели так быстро, что я стеснялась смотреть на них – а может, боялась. Я боялась, как бы они не заметили, что я на них смотрю, и не отчитали меня. Я еще съела только половину овощного супа, а они уже вылизали свои тарелки дочиста и теперь сидели, ужасно расстроенные тем, что им больше нечего заглотить. Я-то видела, какие они голодные, и мне страшно хотелось позвать кого-нибудь и сказать: «Будьте добры, наполните, пожалуйста, снова эти тарелки». Но конечно, на самом деле я думала только о том, как бы они не заметили, что я смотрю на них (я ведь старалась не смотреть) и не отчитали меня – потому что я ужас как не люблю, когда меня отчитывают. Я тогда теряюсь и не знаю, что говорить.

Вдруг отец встал со своего места и затопал туда, где дают еду. Маленькая старая леди со стаканом молока и коржиком на подносе заспешила к освободившемуся месту у нашего столика и уже собралась было занять его, но дочь толстяка сказала:

– Это место занято.

Меня прямо напугал ее голос и то, как она это сказала. Будто мужчина заговорил, а не девочка девяти или десяти лет. Маленькая старая леди сказала:

– Извините, пожалуйста, – и пошла прочь с подносом в руках. Вот она действительно была похожа на маленькую девочку, даже голос у нее был детский.

Тут к столу шагнул человек с очень быстрыми движениями, на подносе у которого была только чашка кофе, и дочь толстяка опять сказала:

– Это место занято.

Но мужчина все равно сел на стул и начал быстрыми глотками пить кофе.

– Сейчас оно не занято, – сказал он, – и займу его я только на минуту.

Дочь посмотрела на мать, и было видно, что обе они на мужчину очень сердятся. Я только успела подумать: «Почему он не выпил кофе прямо у автомата?» – и тогда он вынул из кармана пиджака домашний сэндвич, мигом развернул его и начал есть. За минуту-другую он все съел, а потом встал, посмотрел дочери толстяка прямо в глаза и сказал:

– Вот видишь, ничего страшного не случилось.

Он посмотрел на меня и улыбнулся, а потом сделал такое, что я удивилась. Он освободил свое лицо от забот и тревог, сделал его очень спокойным и совсем серьезным, а потом сказал мне:

– Большое спасибо, моя дорогая, за то, что вы позволили мне разделить с вами стол.

Я, конечно, не знала, что сказать, но не удержалась и улыбнулась чуточку, и тогда он тоже улыбнулся и мигом исчез. Вовремя, надо сказать, потому что отец уже двигался к столу с новым подносом, нагруженным едой. Я думала – это десерт, но оказалось – три новые порции печеных бобов; и как он только догадался, что его жена и дочь хотят именно бобов? Он поставил перед ними по тарелке, и, не говоря ни слова, они снова начали есть. Когда они все съели, я повернулась к Маме Девочке, чтобы попросить ее, как только они встанут, перейти за мой стол. У Мамы Девочки был очень расстроенный вид. Она что-то читала в газете, которую держал в руках сидевший по соседству мужчина.

– Что случилось? – спросила я.

– Ох, Лягушонок, – прошептала Мама Девочка, – умер Джон Дули. Я только что прочла об этом в газете. Он был одним из самых лучших режиссеров, с которыми я работала на телевидении, и я страшно расстроена. Стоит мне познакомиться с каким-нибудь хорошим человеком, как он умирает – это просто уму непостижимо. Ему был пятьдесят один год, но выглядел он много моложе, и мне бы в голову не пришло, что он может умереть.

Тут трое толстых поднялись из-за моего стола, и я сказала:

– Мама Девочка, садись ко мне.

Мама Девочка взяла свой поднос, встала и пошла было к моему столу, но в это время трое людей (они даже не были вместе) заняли три освободившихся стула, а еще кто-то занял место, с которого Мама Девочка только что поднялась.

Она посмотрела, нет ли поблизости какого-нибудь другого места, но ни одного не было.

– Оставайся здесь, пока я не вернусь, – сказала она. – Никуда не уходи с этого места и съешь свой ужин до последней крошки, ладно? Я очень расстроена из-за бедного Джона.

– Ладно, съем все.

Мама Девочка ушла, а я доела свой суп и съела мороженое, а потом стала пить шоколад. Не проходит недели, чтобы не умер хотя бы один из друзей Мама Девочки, и каждый раз это удивляет ее и очень расстраивает. Мне даже думать о смерти страшно. А что, если в один прекрасный день мы прочтем в газете, что в Париже умер мой папа? Что тогда будет?

Я пила свой шоколад, а настроение у меня было плохое.

Покончив с ужином, я посмотрела вокруг, но Мама Девочки нигде не было видно. Я решила сидеть и ждать ее, и тогда к столику подошла женщина с подносом и спросила меня:

– Девочка, ты кончила есть?

– Да, мэм, но я должна дождаться маму.

– Непустишь ли ты меня на свое место? Разумеется, ты можешь не уходить отсюда, пока не вернется твоя мама.

– Хорошо, – сказала я и поднялась, а женщина поставила свой поднос на столик, села и начала есть.

Я посмотрела вокруг, думая, что, может, увижу Маму Девочку за каким-нибудь из столиков, но ее нигде не было видно. Я хотела пойти поискать ее, но побоялась, что потеряюсь, а я знала, что Мама Девочка тогда страшно разволнуется, а потом будет очень сердиться, так что я осталась стоять на месте, и мои ноги начали уставать. Я уже собиралась все равно поискать Маму Девочку, но тут увидела ее за дальним столиком. Я побежала к ней, но, прежде чем я добежала, Мама Девочка встала и пошла к вертушке. Я побежала за ней, но она оказалась у двери раньше меня, и она уже вышла на Пятьдесят седьмую улицу, а я все еще не могла выбраться из ресторана. Я бежала между людьми и толкала их, и мне было все равно, и я никому не говорила «извините» и вообще ничего не говорила, и я тоже выскочила на Пятьдесят седьмую улицу и увидела: вот Мама Девочка идет к Карнеги-холлу.

– Мама Девочка! – заорала я.

Она сразу остановилась и повернулась ко мне лицом, но только это была не Мама Девочка, просто она издали казалась похожей на нее, а вблизи ничего похожего не было. Я повернулась и побежала назад, к вертушке, и через нее в ресторан, и мне было очень страшно. Я побежала назад, туда, где Мама Девочка велела мне ждать ее, и стала молиться и просить Бога, чтобы он помог мне найти тот столик, и чтобы там была Мама Девочка, и чтобы мы с ней вернулись в отель «Пьер», в наш номер, легли в постель и уснули. Сначала я не могла найти свой столик, а потом нашла, потому что женщина, которая спрашивала, кончила ли я есть, была еще там. С ней сидели теперь три новых человека, а Мама Девочки не было. Я подошла к женщине и спросила ее:

– Моя мама за мной не приходила?

– Нет, по-моему, не приходила, – ответила женщина.

– Можно мне еще постоять здесь?

– Конечно. Не бойся, ты и оглянуться не успеешь, как твоя мама вернется.

– Правда?

– Ну конечно.

И вдруг я увидела, что к столику пробирается Мама Девочка, и от радости я завизжала на весь зал:

– Мама Девочка!

Женщина посмотрела на меня и улыбнулась, и я подумала: «Какая она хорошая!»

Мама Девочка подошла ко мне, взяла меня за руку, и мы пошли к выходу из ресторана.

Викторина

Было так хорошо вырваться оттуда, уйти от шума и суматошной толкотни, которые люди устраивают из-за еды. Я не понимаю, зачем есть. Я знаю, что есть нужно, потому что делаю это всю жизнь и даже когда мне совсем не хочется, и Мама Девочка, Матушка Виола и все другие женщины, которые приходили к нам на день или ночевать со мной, всегда просили, чтобы я, пожалуйста, ела или чтобы я, пожалуйста, доедала, или даже не просили, а требовали – а вот Папа Мальчик никогда не требовал, чтобы я ела. Он только засмеется и скажет:

– А ну, Сверкунчик, ешь, а не то...

А потом поднимет правую руку, как будто «не то» означает, что он опустит ее мне на голову, но только я знала, что он не сделает этого никогда, и он знал, что я знала, и знал, что я люблю слышать, как он это говорит, и видеть, как он это делает. Я тогда начинала смеяться и почти всегда принималась за еду. Мой отец считал, что он ничего не должен приказывать своим детям.

Однажды он сказал:

– Может быть, я не прав, но я не считаю позволительным ударить ребенка – разве что в порядке самозащиты.

Я не знала, что такое самозащита, и он сказал, что самозащита – это если я заманусь на него ложкой, а он подхватит меня и бросит через всю комнату, и тогда я нарочно заманулась на него ложкой, и он подхватил меня и сделал вид, что хочет бросить через комнату, и тогда Мама Девочка рассердилась на него и у них началась обычная обеденная ссора, а мы с Питом сидели и слушали.

Мы ужасно любили смотреть, как они ссорятся, потому что каждый из них вдруг становился кем-то другим, но в то же время оставался собой, и еще потому, что мы никогда не знали, сколько времени они проссорятся. Иногда это тянулось весь обед, а иногда кончалось, едва успев начаться, и тогда мы с Питом бывали разочарованы. Как-то раз Пит даже не выдержал и сказал:

– Папка, ну что это за ссора? Разве так ссорятся?

И тогда Мама Девочка разозлилась на Пита и велела ему немедленно встать из-за стола и идти к себе в комнату учить географию. Пит очень обрадовался, и тогда Мама Девочка рассердилась еще больше и сказала папке:

– Видишь, что ты делаешь? Ты не знаешь, куда силу девать, ломаешь девочке буквально все кости, я тебя останавливаю, мы спорим, а для них это развлечение, они рады, когда мы ссоримся, а когда я их наказываю, они страшно довольны. По-моему, тебе нужно пойти на курсы молодых отцов.

Но тут уж рассердился Папа Мальчик, и они стали ссориться по-настоящему. Пит незаметно прошмыгнул назад в комнату и притаился за книжным шкафом – чтобы смотреть и слушать. Но от еды он увильнул – а он ужасно гордился, когда ему удавалось это сделать.

Я просто не понимаю, зачем есть. Мы с Питом много разговаривали об этом, и один раз я сказала:

– Как хорошо было бы, правда, если бы детей не заставляли ничего есть? Если бы мы жили и ничего не ели – никогда всю жизнь.

– Слишком многого хочешь, – сказал Пит, и теперь уже поссорились мы с ним.

Когда Мама Девочка и я выбрались наконец из «Автомата» и очутились снова на Пяťдесят седьмой улице, мы взглянули друг на друга, и Мама Девочка наклонилась и обняла меня, и на глазах у нее были слезы.

– Мне ужасно жаль, что умер твой друг, Мама Девочка, но, пожалуйста, не расстраивайся так.

– Я не из-за этого, Лягушонок, – просто я тебя очень люблю. Конечно, Джона Дули мне жаль, но иногда я просто забываю, как я люблю тебя, а потом вспоминаю, и тогда мне так хорошо становится на душе, что слезы подступают к глазам.

– Ой, Мама Девочка! – воскликнула я. – Ты мне мать, и подруга, и старшая сестра, и маленькая сестренка, ты самая лучшая, самая красивая, самая любимая, ты для меня – все.

– Все, кроме Папы Мальчика и Пита, – сказала она, и это была правда, а потом она сказала: – Прости меня, Лягушонок, пожалуйста, прост и, но у них все хорошо, я точно знаю, хорошо, и не надо думать, что они уехали от нас или что-нибудь в этом роде – просто они в Париже, а мы здесь, вот и все. Наверное, они сейчас тоже ходят где-нибудь там по улицам.

Мы остановились перед «Автоматом», и еще раз через окна посмотрели туда, на маленькие квадратные столики с четырьмя маленькими стульчиками по сторонам каждого, на кафетерий, на людей, которые снуют между столиками, садятся, едят, встают, идут за новой едой или вообще уходят. Мы стояли и смотрели на все это, и нам казалось, что мы все еще там, внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.